

— А ТЕПЕРЬ так: на сцене битком, в зале — три сестры, дядя Ваня пожарник. Помните эту веселую интермедию, мастерами сделанную Аркадием Райкиным? Откровенно говоря, мы не совсем серьезно воспринимали образ, созданный талантливым сатириком, где-то в глубине души надеясь на невозможность существования такого театра. До тех пор, пока не услышали тревожных слов, сказанных заслуженной артисткой ТССР С. Мурадовой:

— Сидело в зале человек 10—15, не больше. И это на «Махтумкули»!

Представляете, огромный коллектив артистов, художников, оформителей, музыкантов работал вечером 21 февраля. А зал был пуст.

Случайность?

— Нет.

Заведомо неподготовленный, сырой спектакль был профинансирован за много дней раньше. Администратор добросовестно распространил билеты, а доверчивые зрители приобрели их. Утром еще висела афиша, извещавшая о возобновлении оперы «Кармен», но... руководство театра уже знало, что вечером люди не будут, затань дыхание, следить за страданиями юной цыганки. Спектакль нельзя было выпускать. И его срочно заменили другим, заставив администратора богат по организациям и расписаться в извещениях.

Странное чувство охватывает, когда поближе знакомишься с жизнью театра оперы и балета. Ожидаешь волнующей встречи с открывающимися творческим напряжением, с жизнью, в которой вежно пульсирует неослабевающая упругая струя поисков и находок, успехов и неудач. С тем, что ассоциируется у нас с представлением о настоящем искусстве. Не происходит этого.

Евгений Кладничий, молодой бас, не так уж давно приглашенный в театр, собирается покидать Ашхабад. Берафима Дурдыева, вырос-

ЧЕГО НЕ ЗНАЕТ ЗРИТЕЛЬ

шая в Туркмении, поет сейчас в Прибалтике. Соллист балета Мягков подал заявление об уходе. Татьяна Филиппова, знакомая зрителю, как исполнительница партии Кармен в одноименной опере и роли Одарки в «Запорожке за Дунаем», вот уже семь месяцев не имеет возможности петь в других спектаклях. С ней не занимаются, не дают ей обязательных уроков, просто не допускают к сцене. Ветеран театра, заслуженная артистка республики С. Мурадова слышит вдруг от главного режиссера Кепбанова.

— Не мешайте мне. И не вмешивайтесь не в свое дело. А если это повторится, мы вас выметем(!?) из театра.

Соллистке оперы Майя Шахбердыева за полгода не дали возможности выучить ни одной партии классического репертуара. А перед выходом на сцену в «Севильском цирюльнике» тот же главреж вместо доброго напутствия заявляет:

— А я чувствую, сегодня спектакль провалится.

Если недоволен один человек, два, это может исходить из каких-то неверных и очень субъективных убеждений. Но когда своим положением в театре, отношением к себе со стороны руководства недовольны почти все молодые артисты, когда у многих чреватые настроения, когда о тех, кто должен стать творческим наставником значающих сценических путей, говорят с обидой и горечью, невольно думаешь о тенденциях, укоренившихся в коллективе, о неслучайных, по-видимому, линиях поведения его руководителей.

Писать об этом не совсем приятно. Так же, как неприятно было узнавать об атмосфере недоверия и грубости, оскорбления и свирекого настроения многих членов старого заслуженного кол-

лектива. Неприятно. Но необходимо. Потому что обстановка, сложившаяся в театре, отношения, которые кое-кто пытается узаконить, становятся тормозом в творческом развитии талантливого коллектива.

Не будем голословны. Выше уже приведен пример с заменой спектакля. Вот еще один. 2-го февраля был объявлен спектакль «Кармен». Тот самый, который и три недели спустя не осмелился показать. Спектакль был заменен «Паясами». Но и эту оперу нельзя было представлять. И тогда, дабы не терять сбор, зрителям показали концерт.

И это — не единичные случаи. Безалаберность, безответственность в планировании работы получили в театре постоянную прописку. Дело дошло до крайностей. К началу сезона весь состав вернулся из отпуска. Люди отдохнули, пришли в театр со свежими силами, свежими настроениями. А художественные руководители коллектива... продолжали оставаться в отпуске. И больше месяца — больше месяца! — театральные коллективы без дела.

В цехах нет строгих графиков работы. В позитивном и декоративном подолгу сидят без работы. Задерживается поставка материалов. И вдруг — аврал! Что называется, поехали! Работа, рассчитанная на длительный промежуток, выполняется за несколько дней. Присылаются вечерние часы, назначаются сверхурочные! Даешь спектакль!

Так — в технических цехах. Несколько иначе — в творческих.

В театре остались неподготовленными дебютом Керима Ниязова в «Большом вальсе» Штрауса. Что же, вполне закономерное неудовлетворение. Сложное, насыщенное

лиризмом произведение требовало от молодого и — мы не боимся сказать это — способного актера большой выдумчивой работы. Но поджимаются сроки, и Керим вышел на сцену под вежливые аллодисменты зала, после единственной репетиции, чувствовал, что делать это рано. Но так настаивала дирекция.

А потом ему пришлось выслушивать упреки от тех, кто фактически был повинен в его неуспехе. Может быть, этот случай станет добрым уроком для Ниязова и его товарищей. Может быть. Для уверенности нет оснований, так как налицо — более поздний пример. Б. Караханов в «Эсмеральде». Всего одну репетицию провела Майя Шахбердыева перед выступлением в «Севильском цирюльнике». И после этого получила приказание участвовать в спектакле.

Нет, мы не оговорились: именно приказание. Только так и привыкли разговаривать с подчиненными директором театра и главным режиссером. Грубость, граничащая с хамством, отсутствие элементарного уважения к людям — наглое и жестокое стелкаются с этим артисты оперы и балета. И не только молодые.

Татьяну Филиппову Мяликули Кепбанов прогнал со сцены во время репетиции. Нелепо и даже дико звучит — прогнал со сцены! Лишь за то, что певица позволила себе не согласиться с мнением режиссера, как следует держать руки, выражая решимость. Но Кепбанов — это Кепбанов, не согласные с его мнением чреват довольно неприятными последствиями.

Вообще позиция главрежа по отношению к многим артистам более, чем ненормальная. Одним волею Кепбанова вообще запрещено появлять-

ся на сцене, другие лишены возможности заниматься и стоят на пороге дисквалификации, третьи... Есть и третьи. Это молчаливые, которые «не должно сместь свое суждение иметь». А попробуй поймешь. И тогда трехугольник — директор, главный дирижер и не менее главный режиссер — сыграет на фортиссимо...

Хидыра Алланурова знают в республике как талантливого композитора, темпераментного и в то же время чуткого дирижера. Но в вопросах руководства коллективом он, видимо, находится под влиянием директора театра и главного режиссера. Отсюда и взаимоотношения его с коллективом.

Пожалуй, пришло время сделать оговорку. Мы совсем не собираемся брать под зоркий глаз в корень неправильные поступки некоторых молодых артистов. То, что Мурад Диванаев допускал грубость, то, что по его вине едва не сорвался спектакль, — заслуживает самого серьезного осуждения. То, что секретарь комсомольской организации Керим Ниязов редко появляется на тренажах и считает постоянное занятие делом излишним, говорит отнюдь не в его пользу. Но ведь не новость, не открытием Америки считается утверждение, что наставники должны являть собой пример для молодых. А о каких же положительных примерах можно говорить, если сам главный режиссер, кроме всего сказанного выше, довольно часто приходит на репетиции не совсем трезвым. О какой требовательности к другим можно вести речь?

Настораживает и система распределения ролей, бытующая в театре. Вдруг на сценку приходят девять артистов, подготовивших одну и ту же партию. Что это — стилирование творческой кон-

курсии? Конечно же нет. Скорее желание поссорить коллектив, в котором и без того нет сейчас необходимой спайки и общности.

Каждый чувствует себя представленным самому себе. В общем-то, это логичное завершение отношений руководителей театра и артистов. Во время последней гастрольной поездки с национальными операми в Каахака группа по сути дела осталась без руководства. Вел ее артист М. Мамедьяров. Когда же С. Мурадова попыталась передать мнение коллектива М. Кепбанову, тот грубо оборвал ее. И опять: «Мой театр! Что хочу, то и сделаю! Вы мне не становитесь на дороге! Выметем!» Слошские воспитательные знаки.

В общем, и с гастролями на периферии республики дело обстоит явно неблагоприятно. Самопроизвольные купюры, ничем неоправданные и губящие целостность произведения, низкий сценический уровень, спускающий спектакль до положения открытой халтуры. А ведь одна из больших и ответственных миссий, возложенных на коллектив Государственного театра оперы и балета им. Махтумкули, — нести идеи прекрасного, светлого, чистого. Не только зрителям Ашхабада, но и рабочим, труженикам села республики.

...И снова вспоминаются фразы из райкинской интермедии насчет битком набитой сцены и зрительного зала, занятого пожарником дядей Ваней вкупе с тремя тятотеющими к искусству сестрами. Что же, правы, видимо, те, кто считает, что только решительные изменения в стиле руководства оперного театра помогут вернуть ему былую славу.

А. ПОЛЯКОВСКИЙ.
А. АГАБАЕВ,

КОМСОМОЛЕЦ ТУРКМЕНИСТАНА
Ашхабад